

Дыбыстардың не екенің, оның құрамын, түрлерін анықтай отырып, олардың ең алдымен дауыссыз, дауысты деленің, одан әрі қарай жарты дауысты дыбыстар, қатаң дыбыстар, ұяң дыбыстар, ымыралы дыбыстар, ымырасыз дыбыстар деп түр-түрге бөлінгенін, айтып, әрі қысқа, әрі нұсқа түсіндіреді. Әрбір дыбыстың айтылу ерекшелігіне, сөз материалы есебіндегі ішкі, тысқы ажарына соншама зергерлікпен үңіліп, әрқайсысына өзіне лайықты ат тауып, шатыстырмай саралан шығуы нағыз білімдарлықтың, тілдің не бір нәзік тіліне дейін үңгіп, ене алатын қабылет – дарыны зерек, лингвистік болмысынан еді. Қазақ тілінің дыбыстық жүйесін саралауға байланысты туған бұл терминдік ұғымның бәрі қалыптасты, тек ымыралы, ымырасыз деген тәрізді сөздердің қолданысы ғана онша өрістей алмады. Оның есесіне жеті септік – атау, ілік, барыс, табыс, жатыс, шығыс, көмектес деген терминдер өзінің дәлдігімен, өнершешендігімен ерекшеленеді.

Жалпы термин жасау дағдысына А.Байтұрсынов ұстанған принципі термин жасауда қазақ тілінің өз мүмкіндігін барынша сарқа пайдалану.

А.Байтұрсыновтың еңбектеріне тыйым салғаннан кейін, ғылымның дәстүрлі ісін, яғни ғылымның заңды сабақтастығын оның талантты ізбасары Қ.Жұбанов өзінің білімін ең алдымен туған халқын сауаттандыру жолына жұмсайды. Алфавит, орфография, терминология мәселесін

қалыптасқа түсірмей, ешбір халық сауатты бола алмайтынын түсінеді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. «Әдебиет танытқыш», «Тіл құрал» кітаптары 1873-1938 ж.ж. – қазақ ақыны, публицист, жазушы.
2. Құдайберген Жұбанов және қазақ совет тіл білімі. – Алматы: «Ғылым». – 7890 ж.
3. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы. – Алматы: «Ана тілі», 1992. – 141-263 б., 417-427 б.
4. Айнабаев Ө. Термин және аударма. – Алматы: «Ана тілі», 1992. – 144-152 б.
5. Айтбаев Ө. Қазақ терминологиясының атасы //Қазақстан әйелдері. – 1989. – №4.
6. Головин Б. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: «Высшая школа», 1987. – №6 – II б.

Резюме

В статье показана история развития терминологии казахского языка, у истоков которой стоял выдающийся деятель казахского народа писатель, поэт лингвист Ахмет Байтұрсынов.

Conclusion

In this report we show the development of terminology of Kazakh language, where prominent representative of Kazakh literature, poet and linguist Ahmet Baitursynov made a big work.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА

Бекмагамбетова М.Ж.

Идейный вдохновитель «Малого Октября» Ф. Голощекин, сконцентрировал усилия советских и партийных органов на свертывание новой экономической политики, скорейшей советизации казахского аула. Эти задачи должны были решаться путем полного демонтажа структур и механизмов жизнеобеспечения традиционного казахского общества. Практически не вникая в понимание ситуации, сложившейся в традиционном казахском обществе, не отдавая должного месту и роли казахских баев в нем, советская власть начала массовую конфискацию имущества и скота у них. Об этом свидетельствуют нормативные акты и директивные распоряжения партийных и советских органов, основанные на категориях «казахские баи-феодалы и полуфеодалы», «средняк», «бедняк», «кулак», «классовое расслоение», «классовая борьба в ауле» и т.д., которые были оторваны от реального поло-

жения дел в казахском ауле. Глубокое заблуждение руководителей советской власти, не владеющих реальным положением дел, якобы о господстве патриархально-феодалных отношений в казахском ауле привело к ускорению сроков социально-экономических преобразований в республике и, как следствие, применению насильственных методов [1, 72].

С момента назначения Ф. Голощекина первым руководителем партийной организации - Казахстана конфискация имущества у казахских баев отражала прежде всего идею советизации казахского аула, положившей начало интенсивному формированию тоталитарного режима в республике. Сама же кампания по конфискации имущества баев стала составной частью политики «Малого Октября», разрушавшей традиционное казахское общество.

В начале мая 1928 года ЦК ВКП(б) издал

директиву партийной организации Казахстана, в которой указывал, что в целях борьбы с экономическим и политическим влиянием крупных скотоводов, а также лиц из бывших привилегированных сословий считать необходимым провести конфискацию имущества и выселение наиболее крупных скотоводов и лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам.

После выхода данного документа Ф. Голощекин приступил к форсированию кампании по конфискации имущества и скота у казахских баев. Уже во второй половине мая 1928 года в ЦК ВКП(б) была представлена «Докладная записка Казкрайкома ВКП(б) по вопросу конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословных и родовых групп». Документ содержал трафаретные суждения о господстве патриархально-феодалных отношений в ауле и невозможности его советизации без осуществления ряда широкомасштабных мер. В том числе без отчуждения имущества у баев. На этом основании крайком пришел к следующему выводу: «Пока существуют крупные полуфеодалные и предпринимательские хозяйства на одном полюсе аула и огромные кадры маломощной крестьянской массы на другом, не может и быть никакой речи о ликвидации остатков полукрепостнической зависимости, угнетения и эксплуатации, составляющей оплот не только экономического, но и политического господства ранее привилегированных групп в ауле, которое обеспечивало бы возможность социалистической реконструкции аульного хозяйства» [1, 74].

Партийными и советскими органами в республике была начата политическая кампания, направленная на дискредитацию казахских баев, представлявшая их в качестве «врагов» казахского народа. Обвинения, предъявляемые байской прослойке, в том, что они продолжают «глубоко и жестоко эксплуатировать» массу аульного населения, держать его в «нищете и вековой темноте», были опубликованы в обращении Президиума ЦИК Казахстана «Ко всем трудящимся Казахстана» 8 августа и 5 сентября 1928 г. Посредством этих документов, которые давали разъяснение целей и мотивов конфискации, власть пыталась внести некоторое успокоение в массу населения, которое уже знало о предстоящей кампании, и дезориентировать его относительно объектов конфискации. Так, в первом обращении говорилось: «Последнее время антисоветскими элементами распространяются провокационные слухи о характере предполагаемой конфискации имущества байских хозяйств. Под влиянием этих слухов наблюдаются случаи

распродажи скота даже трудовыми скотоводческими хозяйствами, что влечет за собой недопустимое ослабление этих хозяйств и создает угрозу дальнейшему успешному развитию народного хозяйства. Президиум КазЦИК извещает всех трудящихся Казахстана о том, что разработка закона о конфискации ведется в направлении выселения и конфискации имущества тех наиболее крупных хозяйств, которые на 1 апреля 1928 года имели тысячные стада (несколько сот голов в переводе на крупные) и являются явно враждебными советской власти». Одновременно в печати и циркулярных письмах, разосланных губернскими исполнительными комитетами председателям райоргбюро и аульных Советов, упорно внушалась мысль о том, что данное мероприятие советской власти проводится исключительно в интересах беднейших слоев аула. Подталкивая бедняцкие слои на борьбу против баев, власти стремились сформировать у населения всеобщую ненависть к ним [1, 75].

В ноябре 1927 г. 6 краевая партконференция обсуждала вопрос об экспроприации хозяйств баев, посчитав возможным «допустить изъятие у крупных баев части скота и инвентаря», что должно привести к «осередничиванию аула и развитию его производительных сил и еще большему закреплению союза пролетариата с трудящимися массами аула».

В декабре 1927 г. образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев. После рассмотрения и уточнения на бюро Казкрайкома он был одобрен ЦК ВКП(б) и ВЦИК. 15 августа 1928 г. Крайком создал комиссию для непосредственного руководства кампанией.

27 августа 1928 г. на заседании ЦИК и СНК республики было принято постановление «О конфискации байских хозяйств» [2], назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. Непосредственно в аулы направили свыше тысячи уполномоченных.

В документе давались критерии социальной группировки хозяйств. К крупным байским хозяйствам в кочевых районах рекомендовалось относить лиц, имевших свыше 400 голов крупного рогатого скота, в полукочевых – свыше 300 голов и в оседлых – свыше 150 голов скота. Также в инструкции по применению данного постановления указывалось: «Лица, имеющие количество скота в переводе на крупный, хотя и меньше указанной нормы, но признанные местной властью «социально опасными», также подвергались конфискации» [2].

Единицей крупного скота считались лошади, корова, вол, верблюд в возрасте свыше двух лет. К одной голове крупного скота приравнивались: три головы жеребят или пять голов телят, пять голов овец или шесть голов коз, три головы верблюжат.

Помимо баев-полуфеодалов выселению с конфискацией имущества подлежали «привилегированные группы». В отношении них в законе говорилось: «Лица, по своему положению принадлежащие ранее к привилегированным группам, как-то: султанские и ханские потомки, а также бывшие несменяемые волостные управители, получившие особые награды от бывшего царского правительства, связанные с антисоветской деятельностью, но не подпавшие под действие статьи 1 настоящего постановления, подлежат выселению из районов прежней их деятельности с конфискацией имущества».

Согласно предварительным ориентировочным сведениям ОГПУ, конфискации и выселению подлежали 700 хозяйств, из них как крупные собственники – 600 человек, как социально опасные элементы – 100. В отечественной историографии утверждалось, что скот был отобран у 696 хозяйств. Однако на основании государственных налоговых документов, свидетельствовавших о факте раздельности нескольких хозяйств, объединенных в единоличное, был сделан вывод о том, что общее число конфискованных и выселенных хозяйств достигло 1034 единиц.

Как следует из доклада Кустанайской окружной комиссии по конфискации, со второй половины июня до августа месяца проводилась предварительная работа. Она выражалась в выявлении и учете байских хозяйств. В результате предварительной работы на учет были взяты 249 байских хозяйств (насчитывающих 45 914 крупных голов скота), из которых отобрали 65 наиболее крупных. Непосредственно конфискация была проведена с 20 сентября – в начале ноября 1928 г. [3, 5].

Декрет и инструкции по конфискации в округе были получены 6 и 7 сентября 1928 г. Для более полного обеспечения мест руководящими материалами и широкого распространения декрета было отпечатано и разослано 1000 экземпляров на русском и казахском языках и переданы для исполнения по местам 8 сентября 1928 г. Вместе с декретом были командированы на места инструкторы, которые должны были детально разъяснить ранее посланным уполномоченным о технике проведения практической работы. В рамках агитационной работы развернулась широкая массовая кампания по разъясне-

нию закона о конфискации. За первые три месяца со дня опубликования постановления было проведено 967 собраний и 9 районных конференций [3, 80]. На данных мероприятиях прорабатывались декрет и инструкция по конфискации и дополнительно еще раз обращение КЦИК, а также обращение краевых органов и списки конфискуемых баев.

Крупнейшие скотовладельцы округа вместе с семьями подвергались выселению. Но поскольку территория республики сама выступала местом «кулацкой ссылки», Крайкому было рекомендовано найти «возможности переселения внутри края», т.о. «баи» были высланы в Семипалатинский округ.

Принятие данного документа и его действие, как очевидно из архивных данных, вызвало недовольство. Так, на закрытом заседании бюро Кустанайского окружкома ВКП(б) было отмечено, что в связи с проводимой кампанией конфискации со стороны байства может быть оказано вооруженное сопротивление. К наиболее опасным районам отнесены, в первую очередь, Тургайский, Батпакаринский и Наурзумский, во вторую очередь, – Джетыгаринский, в последнюю – все остальные районы. Отнесение первых трех районов к наиболее опасным являлось закономерным, поскольку основой производства служил скот. В противовес недовольствам предполагалось составить мобильные планы и создать отряды боевой готовности [3, 58].

Таким образом, принятие данного документа позволило продолжить политику репрессий в отношении безвинного мирного населения, осуществленных к тому же незаконными внесудебными органами – «тройками», «пятерками», «особыми совещаниями». Все это предопределило социальную нестабильность и ответное противодействие, выразившееся в открытых формах протеста в виде вооруженных выступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халидуллин Г.Х. Политика Советского государства в отношении казахских шаруа (1917-1940 гг.). – Алматы: НИЦ Ғылым, 2001. – 216 с.
2. Заключение Комиссии Президиума Верховного Совета по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР // Советы Казахстана. – 1992. – 22 декабря.
3. Коллективизация сельского хозяйства и оседание кочевого и полукочевого казахского населения на территории Кустанайской области (1927-1938 гг.): Сборник документов. – Костанай: ОАО Костанайский печатный двор, 2004. – 412 с.

Түйін

Мақалада байлардың шаруашылығын тәркілеу туралы Кеңес үкіметінің жарлығымен оның жүзеге асырылуы туралы қарастырылады.

Conclusion

The problem of the history of adoption and realization of the declaration of confiscation of bai is properties is touched upon in this article.

**РАССКАЗ ГЕРОДОТА О ЛИДИИ И НАЧАЛЕ ДИНАСТИИ КРЕЗА
В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ****Бондаренко Ю.Я.**

Геродот, античный автор V века до н.э., много путешествовавший, всемирно известен, как «отец «Истории». «Истории», в которой легенды, сказания и поверья настолько естественно вплетены в ткань собственно исторических событий, что сегодня, спустя тысячелетия, зачастую отделить одно от другого практически невозможно. В то же время его спокойный тон изложения, отсутствие славословий, пустых гроыхающих фраз и резкого нравственного противопоставления «своих» и «чужих» выгодно отделяют его от немалого числа историков и историографов XX – начала XXI веков. В огромной мере именно благодаря Геродоту, и Лидия, и Крез стали не просто явлениями всемирной истории, но и достояниями мировой культуры. Всем известно, что Лидия была богатой страной в Малой Азии, в которой, как считается, впервые стали чеканить золотую и серебряную монету. Крез, прославившийся своим богатством (известна поговорка «Богат, как Крез»), – последний ее царь, побежденный в 547 г. до н.э. Персией, закрепившей в те годы свое могущество.

Если о достоверности тех или иных исторических данных в «Истории» Геродота можно спорить, а то и вовсе не принимать их, как, скажем, современные историки не принимают цифры, говорящие о размерах персидских войск, то сведения историко-психологического и, соответственно, культурологического характера уже сами по себе и поныне представляют колоссальный интерес, ибо благодаря им мы соприкасаемся с разнообразным миром ценностей Древнего мира. Ценностей, которые определяли эмоциональные состояния и поведение людей, могли быть детонаторами спонтанных, взрывных поступков либо лежать в основе тех или иных обдуманных замыслов.

Данная статья не является требующей особой подготовки работой по античной истории, а носит сугубо культурологический характер, являясь продолжением таких работ автора, как «Тайна Атоса» (опубликована в одноименной книге в 2010 г.) и доклад «Эмоции и поведенческие стереотипы в свете культурологии», пред-

ставленный в том же году на Байтурсыновские чтения. В идеале такого рода работа историко-психологического характера должна базироваться на широкомасштабном сопоставлении артефактов и текстов самых разных времен и народов. Одно только культурологическое исследование геродотовской «Истории», «Моралий» Плутарха и «Пестрых рассказов Элиана» могло бы являть объемный труд. Здесь же перед вами лишь капля океана. Но и она позволяет задуматься над многим и, может быть, на что-то взглянуть свежим взглядом. Свежий же взгляд на проблемы культурных ценностей и поведенческих стереотипов в эпоху глобализации, называемой еще и эпохой «столкновения цивилизаций», представляет не только исторический, но и практический интерес.

Но вернемся к Геродоту. С чего начинается он сам свое масштабное повествование в 9-ти книгах? С рассказов о похищениях женщин, которые, по мысли Геродота, положили начало вражды между персами и эллинами, причем самих эллинов грек Геродот считает более виновными, нежели персов: ведь именно они в ответ на похищение Елены собрали огромный флот, приплыли в Азию и разрушили Илион. С точки зрения культурологии, и особенно ее психологических аспектов, здесь для нас важны не столько сами истории похищений, сколько различное реагирование на них и оценка самого Геродота как представителя своей эпохи. «Похищение женщин, – пишет он, – правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы они сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско и сокрушили державу Приама...» [1, 12].

Обратим внимание: в разных регионах одни и те же действия, по Геродоту, расцениваются по-разному и вызывают различную реакцию.